

Столкнувшись с подобной шуткой Лян Хаораня, в которой сквозила легкая насмешка, Хэ Цы не только не смутился, но и вовсе зарвался.

— Разве я в этом виноват? Кто заставлял тебя вести себя так невероятно мило, что у людей просто не остается шансов к тебе не привязаться?

Его беспечный тон звучал так, будто он говорил самую естественную вещь на свете.

— Вы двое... с самого утра, прямо при мне, чем тут занимаетесь?

Пан Бо выглядел так, будто проглотил целую муху, и выражение его лица мгновенно стало непередаваемым.

Лян Хаоран прекрасно его понимал: окажись он сам на месте стороннего наблюдателя, пожалуй, тоже посчитал бы эту сцену тошнотворной.

— Да так, признаемся в любви при всем честном народе.

Хэ Цы с улыбкой подхватил реплику и повернулся к Пан Бо:

— Толстяк, хочешь послушать? Насчет того, при каких обстоятельствах я запал на Лян Хаораня... Если подумать, кажется, я тебе об этом еще в подробностях не рассказывал.

— ...Для начала дай мне морально подготовиться. Я после услышанного должен тебя немедленно вытошнить прямо в лицо или же просто сдержаться и лопнуть от злости, чтобы не слушать этот бред?

Пан Бо с невероятной серьезностью погрузился в глубокие раздумья.

— Из-за чего тут вообще ломать голову... Ничего особенного и не было.

Лян Хаоран на самом деле догадывался, что именно Хэ Цы имел в виду под этим так называемым поводом, и потому беспечно попытался сгладить углы.

Кто же знал, что эта его реплика лишь сильнее раззадорит любопытство Пан Бо.

Толстяк с героическим видом хлопнул себя по бедру:

— ...Ладно, я смирился. Раз уж меня тошнит, но после этого на душе станет легче — давай, выкладывай, я слушаю!

Услышав это, уголки губ Хэ Цы изогнулись в лукавой ухмылке победившего проказника:

— М-м, пожалуй, я все-таки не буду рассказывать. За те полминуты, пока ты раздумывал, я передумал.

— Какого черта, ты меня разводишь?! — Пан Бо мгновенно ощетинился.

— Ты только допер?

— Черт, я же настраивался на то, чтобы вывернуть наизнанку весь свой завтрак, и только потом спросил!

Глядя на Хэ Цы с его невероятно бесячей улыбкой, Пан Бо до зубовного скрежета разозлился, но поделаться с ним ничего не мог.

По мнению Лян Хаораня, Хэ Цы с самого начала и не собирался ничего рассказывать.

Захоти он раструбить об этом на весь мир, уже давно бы всёболтал, и уж точно не стал бы хранить молчание целый год.

Тот самый повод, о котором упомянул Хэ Цы — если Лян Хаоран не ошибался, — должен был крыться в событиях первого семестра старшей школы.

Больше года назад Лян Хаоран, Хэ Цы и Пан Бо учились в разных классах.

Тогда только-только закончились промежуточные экзамены, и во время перемены несколько парней из соседнего класса собрались вместе, почему-то заговорив о Хэ Цы.

К тому моменту Хэ Цы уже был заметной фигурой во всей параллели, и для такого признанного гения было совершенно нормально становиться предметом сплетен за чашкой чая.

— На первом месте в параллели наверняка снова этот Хэ Цы, да?

— Еще бы. Те, кто учился с ним в одной школе в средних классах, говорят, что этот парень с самого детства никому не уступал первую строчку.

— Тц, поистине жизнь, где небеса сами подкидывают еду в рот... Говорят, он даже на уроках особо не слушает, а на перемене дрыхнет так, что пушкой не разбудишь.

Поначалу Лян Хаоран находил этот разговор вполне безобидным.

Хотя они и шушукались за чужой спиной, в худшем случае это были просто сплетни, а не грязные пересуды.

Он сам от природы не любил косточки перемывать другим, но в то же время считал, что вмешиваться и пресекать подобные мелочи не стоит, поэтому просто сидел за партой и тайком прислушивался.

Однако вскоре тема разговора у тех парней свернула не туда, и они начали нести откровенную чушь.

Обращение к Хэ Цы сменилось с этого парня на сопляка, и на свет полезли всевозможные завистливые теории заговора.

— По мне так этот сопляк просто строит из себя крутого и выпендривается.

— В смысле выпендривается?

— Ну, намеренно создает себе имидж гения, которому не нужно прикладывать усилий. Днем в школе притворяется, что спит и не учится, а по вечерам хрен знает сколько репетиторов нанимает, да так усердно зубрит втихаря, что аж кровь из носа идет. Иначе подумайте сами головой: разве можно получать высшие баллы, если целыми днями дрыхнуть? Он что, считает себя переродившимся Эйнштейном?

Злонамеренные домыслы одного из них быстро превратились для той компании парней в непреложную истину, о которой все молчаливо договорились.

Видя, что никто так и не заступился за справедливость, а разговор все больше скатывается в клевету, Лян Хаоран наконец не выдержал и решил вставить слово:

— Даже если всё было так, как вы предполагаете — днем он спит, а ночами сидит над учебниками, доводя себя до изнеможения, — это же не называется показухой? Может, он просто от природы полуночник сбитым биологическим ритмом.

Лян Хаорану казалось, что вместо того, чтобы с каменным лицом читать нравоучения, лучше вернуть им шпильку в полусутой манере — так будет даже эффективнее.

Однако ответ на его слова донесся вовсе не от тех парней спереди, а раздался откуда-то из-за спины.

— Откуда знаешь? Я вроде никому не говорил, что я полуночник...

Услышав этот совершенно незнакомый холодный голос, Лян Хаоран в недоумении оглянулся и

увидел, что Хэ Цы, которого они только что так увлеченно костили, неизвестно когда уже стоял у задней двери их класса.

Он держал одну руку в кармане брюк, а на его лице застыла полуулыбка.

Позже Лян Хаоран узнал, что в тот день Хэ Цы заглянул к ним в класс совсем за другим — хотел попросить конспект у одноклассника, да только так некстати угодил на целую компанию, завистливо судачившую за его спиной.

С неожиданным появлением главного виновника атмосфера в коридоре мгновенно остыла до предела.

Несколько парней, еще мгновение назад через слово повторявших этого сопляка, разом позеленели, сбивчиво извинились и, поджав хвосты, скрылись.

А Хэ Цы даже не удостоил их лишним взглядом, просто проигнорировал эту компанию, подошел к Лян Хаорану и бросил:

— Как тебя зовут? Я Хэ Цы, хотя, судя по всему, ты меня уже знаешь.

С тех самых пор, сталкиваясь с ним в коридоре, Хэ Цы неизменно здоровался первым.

На перемене он тоже то и дело прибегал к ним в класс, чтобы поболтать с Лян Хаораном о всякой всячине.

И это при том, что среди их класса у Хэ Цы был куда более близкий друг детства Лу Юньцзэ, но почему-то за вещами он неизменно являлся именно к Лян Хаорану.

Теперь, вспоминая об этом, Лян Хаоран подумал, что вчерашний полуденный инцидент в школьном медпункте на самом деле был до боли похож на ту историю годичной давности.

В обоих случаях кто-то за спиной перемывал кости участникам событий, оба раза Лян Хаоран вмешивался на полпути, пытаясь разрядить обстановку... и даже то, что оба виновника слышали все эти пересуды от и до, было точь-в-точь одинаковым.

Если и была какая-то разница, так это в том, как отреагировали эти двое.

Лу Юньцзэ не стал злиться на Пэн Юя и остальных за их языки, а вместо этого сорвал злость на Лян Хаоране;

Хэ Цы же заявил, что именно из-за того случая он и начал находить Лян Хаораня довольно

забавным человеком.

Мысли Лян Хаораня неспешно блуждали где-то далеко, как вдруг прямо перед его глазами замахала чья-то рука, грубо выдергивая его из воспоминаний.

— О чем задумался, аж душу выдуло?

Хозяин руки, Хэ Цы, поддвинулся ближе и уставился ему в лицо.

Похоже, их односторонняя словесная перепалка с Пан Бо подошла к концу.

— Вспоминаю, с какого именно момента я начал страстно сохнуть по братишке, а что? — на ходу отшутился Лян Хаоран.

Краем глаза он как раз заметил Пэн Юя, вальяжно плывающего в переднюю дверь класса.

— Охренеть, че за дела, Хэ-шэнь в такое время и не дремлет?

Пэн Юй небрежно швырнул тяжелый рюкзак на стул и неторопливо направился к ним.

Вслед за этим Пэн Юй тоже влился в жаркое обсуждение планов на летние каникулы.

Все четверо наперебой высказывали свои идеи и в конце концов сошлись на том, что поедут на море за пару дней до окончания каникул и начала занятий.

Пэн Юй с Пан Бо тут же с воодушевлением принялись ломать головы над тем, какое снаряжение с собой захватить, а Хэ Цы, посчитав их слишком шумными, снова уткнулся лицом в парту и провалился в сон.

Интересно, этот Лу-шэнь во время каникул вообще выходит куда-нибудь развеяться?

Лян Хаоран невзначай поднял голову, и его взгляд упал на слегка согнутый затылок Лу Юньцзэ, сидевшего впереди и чуть сбоку за усердным решением тестов, пока в голове крутились эти тихие мысли.

Он даже подумал, что с одержимостью Лу Юньцзэ учебой, отправься тот даже на морской курорт, он бы и там наверняка по-прежнему упорно таскал с собой сборник лексики для старшеклассников, изданный вразнобой.